

КРАМПУС

MAINSTREAM
представляет книги
БРОМА

ПОТЕРЯННЫЕ БОГИ
ПОХИТИТЕЛЬ ДЕТЕЙ
КРАМПУС, ПОВЕЛИТЕЛЬ ЙОЛЯ

Б Р О М

КРАМПУС,
ПОВЕЛИТЕЛЬ ЙОЛЯ

Издательство «АСТ»
Москва

*Эта книга — для моей жены
и любимой святочной пикси,
Лорили*

Санта-Клаус...

О, как горчит имя твое у меня на языке, едкое, точно кислота: не отплевавшись, не выговоришь. И все же я постоянно твержу его. Оно стало моим личным ругательством, мантрой сквернословия.

Санта-Клаус... Санта-Клаус... Санта-Клаус.

Это имя, как и ты сам, как это твое Рождество со всеми его извращениями — ложь. Но как же, ты всегда жил в доме из лжи, а теперь этот дом стал замком, твердыней. Так много лжи, что ты и сам позабыл, что такое правда, кто ты есть такой... Забыл свое истинное имя.

Я не забыл.

Я всегда буду здесь, всегда буду служить тебе напоминанием, что ты — не Санта-Клаус, и не Крис Крингле, не Фазер Крисмас, Дед Мороз или Синтерклаас, и уж точно не Святой Николай. Санта-Клаус — всего лишь еще одна твоя личина, еще один кирпичик в твоей твердыне.

Твое истинное имя я произносить не буду. Нет, только не здесь и не сейчас, когда я гнию в этой черной дыре. Звук твоего имени, отражающийся от стен моего узилища, это...

Этот звук способен свергнуть кого угодно в истинное безумие. Этому имени придется подождать до того дня, когда я вновь увижу, как волки гонят по небу Мани и Соль*. До того дня, который близится, поверь — может быть, еще недели две, — и твои чары будут, наконец, разрушены, замкнутые тобой цепи падут и ветер свободы принесет меня к тебе.

Я не стал поедать свою собственную плоть, вопреки твоему любезному предложению. И безумие не забрало меня к себе даже после того, как я присидел в этой могиле половину тысячелетия. Я не сгинул, не послужил пищей червям, несмотря на твои предсказания. Уж ты-то мог бы знать, что я никогда этого не допущу, пока я помню еще твое имя, пока возмездие скрашивает мое одиночество.

Санта-Клаус, дорогой мой старый друг, ты — вор, предатель, доносчик и лжец, но что самое худшее, ты — злая насмешка надо всем, что было когда-то мной.

Спето твое последнее «хо-хо-хо», я иду. За Одина, за Локи, за всех падших богов, за твое вероломство, за то, что держал меня в цепях здесь, в этой дыре, пятьсот долгих лет. Но, что важнее всего, я иду, чтобы забрать то, что мое по праву. Вернуть себе Йоль, мои святки. Лишь наступив тебе на горло, я назову твое имя — твое истинное имя — и, когда смерть заглянет тебе в глаза, тебе уже не спрятаться от своих черных дел, от тех, кого ты предал.

Я, Крампус, Повелитель Йоля, сын Хель, кровь от крови великого Локи, клянусь вырезать твой лживый язык из лживой твоей глотки, отрубить твои загребушие руки и веселую твою головушку.

* В скандинавской мифологии брат и сестра, персонификация луны (Мани) и солнца (Соль).

Часть первая

ДЖЕСС

Глава первая

ЧЕЛОВЕК В КОСТЮМЕ САНТЫ

ОКРУГ БУН, ЗАПАДНАЯ ВИРДЖИНИЯ

Рождество, 2 часа пополуночи

Джесс Бервелл Уокер молился, чтобы его пикап продержался, по крайней мере, еще одну зиму, не развалившись на две ржавые половины. Пикап этот, серый когда-то «Форд Ф-150» 1978 года, достался ему в наследство от отца, когда старик проиграл, наконец, свою долгую битву с «черными легкими»*. Теперь на стеллаже для ружей лежала гитара, а заднее окно кузова украшал стикер: «А ЧТО БЫ СДЕЛАЛ ХЭНК».

Под колесами захрустел присыпанный снегом гравий: Джесс свернул с Третьего шоссе на дорожку трейлерного поселка Кингз-Касл. Около месяца назад Джессу стукнуло двадцать шесть, и был он высоким, худощавым, с темными волосами и бачками, которые явно пора было подровнять. Постукивая своими длинными пальцами — то что надо, для гитариста — по зажатой между коленками бутылке «Wild Turkey», он медленно катился между трейлерами, припоро-

* «Черные легкие» (также «болезнь шахтеров»; мед. антропокоз) — вид пневмококоноза — необратимого и неизлечимого заболевания легких, вызванного длительным вдыханием промышленной (в данном случае каменноугольной) пыли.

шенными снегом, мимо выдавших виды пластиковых Сант и снеговиков, мимо пенопластового оленя Неда Бернетта, заодно служившего хозяину мишенью. Олень висел вниз головой на качелях Недова парнишки, будто ожидая, чтобы его освеживали, а к его носу Нед прикрутил красную лампочку. Джессу это казалось забавным — первые раза два, — но бедняга Рудольф* висел так со Дня Благодарения**, и шутка успела несколько обрасти бородой. Кое-где в окнах торчали жалкие пластиковые елочки, подсвечивая огоньками жалкие комнатухи, но в общем и целом в трейлерах Кингз-Касла царил темнота — их обитатели либо нашли себе местечко повеселее, либо вовсе решили не напрягаться. Джессу не хуже других было известно, что для округа Бун настали нелегкие времена, и праздновать многим было особо нечего.

Пикап перевалил через пригорок, и впереди показался двойной трейлер старушки Милли Боггз, обнесенный белым штакетником и пластиковыми цветами в горшках. Милли была владелицей Кингз-Касла, и, смотрите-ка, она опять выставила свой пластиковый вертеп между подъездной дорожкой и помойкой. Иосиф упал, внутри у Марии не горела лампочка, но малютка Иисус сиял изнутри во все двести вольт (по догадке Джесса), имея при этом довольно радиоактивный вид. Миновав вертеп, Джесс съехал вниз, под уклон, и затормозил возле маленького фургончика, стоявшего среди сосен.

Когда Милли отдавала ему ключи от трейлера, то назвала хибару «временной мерой», потому что, как она выразилась, «никто не должен жить подолгу в такой теснотище». Джесс заверил ее, что это всего на пару недель, пока они с Линдой — его женой — не разберутся между собой.

* Рудольф — популярный в США рождественский персонаж, олененок со смешным красным носом.

** Государственный праздник в США, отмечаемый в четвертый четверг ноября. С этого дня начинается праздничный сезон, длящийся по Новый год включительно.

Это было уже почти два года назад.

Заглушив мотор, Джесс поглядел на трейлер.

— Ну, с Рождеством, — открутив у бутылки крышку, он как следует хлебнул виски, утер рот рукавом куртки и сделал приветственный жест бутылкой в сторону трейлера. — А вот мне, например, все по хрен.

Вдоль крыши тянулась одна-разъединственная гирлянда. Джесс, как и всегда, не потрудился снять гирлянду после очередного Рождества, и все, что нужно было теперь сделать, дабы приобщиться к праздничному духу — это воткнуть вилку в розетку. Вот только все лампочки давно перегорели, за исключением одинокого красного огонька прямо над дверью. Лампочка то загоралась, то гасла опять, подмигивая, зазывая его в дом. Джессу в дом не хотелось. Ему не хотелось опять сидеть на жеваном, старом в поло-сочку, матрасе и пялиться в обшитую дешевыми деревянными панелями стенку. Было у него такое свойство: видеть среди сучков и разводов на дереве лица — печальные лица, истерзанные страданием лица. Там, в доме, он не мог притворяться, не мог прятаться от того факта, что вот еще одно Рождество, которое он проводит в полном одиночестве. А человек, который проводит Рождество в одиночестве, в этом мире один, как перст, это каждому ясно.

Твоя жена-то, ясен хрен, не одна. Верно?

— Прекрати.

И где же она, Джесс? Где Линда?

— Прекрати.

Она у него дома. Хороший, красивый дом. С хорошей, красивой, большой елкой. Уж наверняка под елкой полно подарков, на которых — ее имя. И подарков с именем малышки Эбигейл, наверное, тоже немало.

— Прекрати, — прошептал он. — Пожалуйста, давай просто оставим это.

А лампочка все продолжала издевательски подмигивать, швыряя ему в лицо его собственные мысли.

«Мне не обязательно туда идти, — подумал он. — Можно и в кузове поспать. В первый раз, что ли?» У него в кузове даже лежала скатка с одеялом — в основном для тех случаев, когда Джессу приходилось играть не в городе. Увы, в кабаках недотыкомке-гитаристу редко платили столько, чтобы хватило и на мотель, и на бензин до дома. Он глянул в окно, на снег.

— Черт, слишком холодно.

Джесс посмотрел на часы; время было раннее, по крайней мере, для него. Обычно, играя в «Рустере», он добирался до дома не раньше четырех утра. Он попросту не успел еще устать — или набухаться — настолько, чтобы заснуть. Джесс знал: пойдя он сейчас домой, и будет пялиться и пялиться часами на лица среди древесных разводов.

Сид закрыл «Рустер» раньше обычного — не из-за Рождества, нет: сочельник для Сида был довольно хлебным времечком. Их много таких — потерянных душ вроде Джесса, тех, кому неохота возвращаться в пустые гостиные и спальни — только не на Рождество.

«Как бы мне хотелось пристрелить того сукиного сына, который придумал этот чертов праздник, — подумал Джесс. — Может, это счастливое время, если кому повезло семью иметь и родных, но для нас, для всех остальных неудачников, это просто еще одно напоминание о том, сколько дерьма способна скормить тебе жизнь».

В этот раз в «Рустер» притащилось всего шесть или семь доходяг, и большинство из них — исключительно ради бесплатной рождественской выпивки, которой скупно оделяя своих клиентов Сид. Джесс отставил комбик в сторону, решив обойтись исключительно акустикой, и играл подряд всю старую добрую рождественскую классику, но всем было плевать — кажется, никто даже не слушал. Только не сегодня. Похоже, Дух Прошлогодней Елки прочно обосновался в баре, и все пялились себе в стаканы с отсутствующим видом, будто желая оказаться где-нибудь в другом месте — или

в другое время. И поскольку никто ничего не покупал, Сид прикрыл лавочку что-то около часа ночи.

Джессу Сид сказал, что сегодняшней вечер обернулся полным финансовым провалом, и спросил, не возьмет ли Джесс уже открытую бутылку сауэр мэша* вместо своей обычной двадцатки. Джесс вообще-то рассчитывал на эти деньги, думая купить дочке — Эбигейл было пять лет — подарок на Рождество. Но бухло он взял. Сказал себе, что это ради Сиды, чертовски хорошо зная, что это не так.

Джесс бросил на бутылку мрачный взгляд.

— Всего одну вещь она у тебя попросила. Куклу. Одну из этих «Тин Тайгер», которые везде продаются. Не слишком сложная просьба. Нет сэр... Не слишком.

В голове у него зазвучал голос жены: «И почему тебе обязательно надо всегда все портить?» Ответа у него не было.

«Почему я всегда все порчу? Впрочем, еще не поздно. Я могу зайти в ломбард к Дикеру в понедельник».

Вот только он знал — у него не осталось ни хрена, закладывая больше нечего. Он уже продал телик и колонки, хорошие шины, и даже кольцо, которое оставил ему отец. Джесс потер поросший щетиной подбородок. Что же у него осталось? Он снял с оружейного стеллажа гитару, положил на колени. «Нет, я просто не смогу. — Он взял аккорд. — А почему бы и нет?» Чертова штука не принесла ему ничего, кроме горя. И потом, это была единственная ценная вещь, которая у него осталась. Он покосился на руку, на обручальное кольцо. Ну, почти. Джесс положил гитару на пол, поднял руку, и кольцо вспыхнуло золотом в свете уличных фонарей. И почему он до сих пор от него

* Вид виски, при производстве которого используется т.н. «метод закваски» — около четверти кубового остатка добавляют в новое сусло, которое еще не прошло брожения. За счет этого вкус и аромат напитка остается постоянным и неизменным. Этим методом изготавливается большинство марок виски США.